

Сельский рынок труда в фокусе аграрного образования, вовлечения и закрепления молодых работников¹

О. П. Фадеева

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, заведующая отделом Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17. E-mail: fadееva_ol@mail.ru

Аннотация. Трансформация аграрного сектора экономики России в последние два десятилетия существенно изменила ситуацию на сельском рынке труда. Предложение на этом рынке все меньше отвечало запросам работодателей, ориентированных на современную технологическую базу аграрного производства. Традиционное мнение о трудоизбыточности сельских территорий постепенно утрачивало актуальность, а представители муниципальной власти и агробизнеса все чаще стали отмечать недостаток работников и дефекты специализированного образования. Вместе с тем дефицит кадров стал носить преимущественно структурный характер: не хватает работников определенных, востребованных специальностей. На основе материалов углубленных интервью с работодателями в статье рассмотрены основные проблемы удовлетворения спроса на квалифицированных специалистов в аграрной сфере. Возможности и особенности потенциального предложения труда за счет притока молодежи раскрываются при помощи обобщения данных анкетирования студентов одного из крупнейших аграрных вузов России относительно их профессиональной мотивации и будущего трудоустройства. Сложность отмеченных в статье проблем привлечения и закрепления молодежи определяется тем, что они должны решаться на фоне реализуемых и проектируемых изменений модели пространственного развития — в диапазоне от идей комплексного и инициативного преобразования сельских территорий до масштабного «сельского агломерирования». На основе мнений информантов представлены практические выводы относительно возможных изменений как в сфере аграрного образования, так и в политике сельского развития.

Ключевые слова: сельский рынок труда, аграрная занятость, молодежь, высшее и среднее профессиональное образование, сельский образ жизни, комплексное развитие сельских территорий, сельские агломерации

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-204-228

-
1. Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при паритетной финансовой поддержке Российского научного фонда (Соглашение № 23-28-10281 от 20.04.2023) и Новосибирской области через Министерство науки и инновационной политики Новосибирской области (Соглашение 000005406995998235120642/№ p-68 от 03.04.2023), на тему «Вовлеченность молодежи в процессы изменений в сферах образования, экономики и общества».

Аграрная занятость в конкурентной среде

Аграрный сектор экономики России на протяжении почти двух последних десятилетий демонстрирует темпы роста выше средних на фоне сокращения доли сельского населения и количества занятых в сельском хозяйстве. При этом часто специфика российского сельского рынка труда характеризуется на первый взгляд взаимоисключающими утверждениями: «в селе работы нет» и «в селе работать некому». Цель данной статьи — обсудить актуальные проблемы сельскохозяйственной занятости, в том числе связанные с недостатком притока молодежи в отрасль, лежащие как на стороне аграрного образования, так и на стороне условий работы и жизни в сельской местности. Исследование базируется на материалах социологического опроса студентов выпускных курсов Новосибирского государственного аграрного университета, который был проведен в 2023 году (N = 679). Другой источник данных — серия углубленных интервью с преподавателями аграрных вузов, представителями аграрного бизнеса и занятыми в отрасли работниками в Новосибирской, Нижегородской, Пензенской и Ленинградской областях, а также в Краснодарском крае (N = 15), состоявшихся в 2023–2024 годах.

На 1 января 2023 года сельское население России насчитывало 36,8 млн человек, или около 1/4 от всего населения страны. Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве на этот период оценивалась в 4,46 млн чел., или 6,3% от общего числа занятых в экономике. При этом аграрную занятость имели только 20–25% работающего сельского населения, из них 30% были трудоустроены в сельскохозяйственных организациях. Иными словами, 3/4 дееспособных жителей села не были связаны с работой в полеводстве и/или животноводстве. За последние пять лет сельское хозяйство страны суммарно потеряло более 600 тысяч работников. С одной стороны, уменьшение количества занятых в отрасли было вызвано широким внедрением трудосберегающих технологий, а с другой стороны, оно связано с неконкурентными условиями занятости в отрасли (прежде всего, низким уровнем оплаты труда), банкротством ряда предприятий и фермерских хозяйств, сельско-городской миграцией и выездом на временные (сезонные) вахтовые и прочие работы (Карцева и др., 2024). Немалую роль в сложившейся ситуации сыграл демографический дисбаланс: пенсионеров, покидающих рынок труда, не компенсирует приток молодых работников. В связи с этим недостаток рабочих рук стали ощущать как крупные и средние предприятия, так и фермерские хозяйства². Привлечение трудовых мигрантов на постоянной или временной основе становится все более рас-

О. П. Фадеева
Сельский рынок
труда в фокусе аграрного образования, вовлечения и закрепления молодых работников

2. Более подробно о причинах дефицита работников в российском сельском хозяйстве и проблемах его преодоления см.: (Потапова, 2024; Shagaida, 2024).

пространенной практикой. Дефицит кадров в сельском хозяйстве, по оценке Министерства сельского хозяйства РФ, приблизился к концу 2023 года к 200 тыс. чел., среди наиболее распространенных вакансий числятся разнорабочие, скотники, доярки, механизаторы, ветеринары, агрономы, инженеры и проч.³

Существующий дефицит как высоко-, так и низкоквалифицированных кадров в сельском хозяйстве, по мнению специалистов, вряд ли будет преодолен в ближайшее время — и даже значительное повышение оплаты труда (до 50–80 тыс. руб. в месяц разным категориям работников на разных типах предприятия) не всегда способствует оперативному исправлению ситуации. Трудности возникают даже в крупных компаниях и агрохолдингах, вынужденных снижать требования для привлечения кандидатов на незаполненные вакансии⁴. Последнее десятилетие сельскохозяйственная отрасль в немалой степени держалась на использовании иностранной рабочей силы, преимущественно из республик Центральной Азии. Но начиная с введения карантинных и других мероприятий, связанных с эпидемией COVID-19, а затем и усложнением геополитической и внутрироссийской экономической ситуации (СВО, ослабление курса рубля, общий дефицит рабочей силы, а также запрет некоторых сфер занятости для иностранцев) присутствие среднеазиатских мигрантов в российском АПК заметно сократилось — и в то же время почти в два раза выросла стоимость найма сезонных работников. В связи с этим крупные компании на физические работы пытаются найти выходцев из разных стран, в том числе весьма экзотических. Как сообщают СМИ, на повестке дня стоит привлечение мигрантов из стран Африки, Индии, Северной Кореи. Таким образом, как надеются представители компаний, будет произведена хотя бы частичная замена работников, по тем или иным причинам покинувших рынок труда⁵.

Наши информанты из числа работодателей, представляющие и крупные компании, и небольшие фермерские хозяйства, подтверждают, что без иностранцев они бы не смогли справиться со всем объемом работы. Из интервью с владельцем молочной фермы и разводчиком абердин-ангусской породы крупного рогатого скота мясного направления: *«Мигранты из Средней Азии — это*

3. Шокурова Е. Минсельхоз заявил об оттоке 200 тысяч кадров из АПК. <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42105-minselkhoz-zayavili-ob-ottoke-200-tysyach-kadrov-iz-apk/>

4. Кулистикова Т. В этом году кадровые проблемы в АПК могут усилиться. <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/41977-v-etom-godu-kadrovye-problemy-v-apk-mogu-usilitsya/>

5. Долбунова Е. Агросектору не хватает мигрантов. Кадровый голод вынуждает компании расширять географию привлечения сотрудников. <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42658-agrosectoru-ne-khvataet-migrantov/>

моя основная рабочая сила! Со скотом работают исключительно иностранцы. Просто качественные русские работники идут в город. Даже на более низкую зарплату, чем мы предлагаем. Но в городе заведомо менее физически сложная работа, поэтому там им комфортно. В деревне со скотом работают исключительно иностранцы, а на технике — 50 на 50» (Ленинградская обл.). Подтверждает эти слова другой ленинградский фермер, который специализируется на полеводстве: «Я работников к себе искал полгода. За это время мне позвонил по моей заявке 1 русский и 5 иностранцев. Я русского взял, он мне технику загубил и ушел. Реальных специалистов в сельском хозяйстве уже и нет. Кто к нам трудоустраивается — мы их обучаем! Даже механизаторов!»

Критическим фактором в деятельности российских сельхозпредприятий становится нехватка механизаторов, умеющих работать на производительной импортной технике. Отсутствие опытных и дисциплинированных трактористов, комбайнеров, водителей большегрузных машин воспринимается на производстве даже острее, чем нехватка специалистов с высшим образованием, с функциями которых с недавних пор начали справляться топ-менеджеры и владельцы аграрного бизнеса. Дефицит высокопрофессиональных механизаторов замедляет темпы полевых работ, сказывается на выборе технологии посевов и уборки урожая, несет в себе экологические риски, а значит, напрямую влияет на доходы предприятий. Из интервью с главным инженером мини-агрохолдинга: «На сегодняшний момент у нас не хватает четырех механизаторов, которые могут работать не просто на тракторах “Беларус” (это было бы полбеды), а на мощных тракторах John Deere 300. Поэтому на уборке мы не используем бункер-перегрузчик, что нужно бы делать для сохранения водо- и воздухопроницаемости почвы. Выбор такой — мне нужно либо остановить комбайн, чтобы механизатор пересел на трактор и прицепил бункер, куда будет выгружаться зерно, либо продолжать уборку и вывозить урожай с поля на тяжелых КамАЗах, которые могут нанести вред и полям, и местным дорогам. В прошлом году мы погрузчиком пользовались, в этом году не будем... С кадрами проблема есть всегда, несмотря на то что мы платим работникам процентов на 20 больше, чем соседи». Серьезно подпортила кадровую ситуацию в этом хозяйстве развернувшаяся неподалеку стройка федеральной трассы, куда местные мужчины пошли работать водителями. Соперничать с предлагаемыми конкурентами условиями агробизнес оказался не в состоянии: механизаторов прельстил не только высокий заработок, но и «приятный график — полмесяца работают, полмесяца дома сидят, а у нас или сев идет, или уборка. Иногда люди уходят от нас в средненькое хозяйство, где работать проще, где можно иногда не выходить на смену. Но если мы так

будем позволять работать, от нашего мини-холдинга через год ничего не останется» (Нижегородская обл.).

Руководители предприятий сетуют на урбанизацию и бегство сельчан в города, даже если на их малой родине нет проблем с хорошо оплачиваемой работой. В связи с этим речь заходит о способах принуждения сельских жителей к оседлости с самого детства: *«Оседлые трезвые люди из села крайне неохотно подвержены трудовой миграции»*. Но в условиях «мобильного мира» и отсутствия видимых барьеров сделать это не так-то просто. Особенно большие сложности испытывают работодатели в привлечении и закреплении молодых специалистов после окончания колледжей и других организаций среднего профессионального образования (СПО), а также вузов.

«Подводные камни» аграрного образования

Образовательная сфера (вузы и учреждения СПО), которая является главным потенциальным источником квалифицированных трудовых ресурсов, должна набрать достаточное количество желающих освоить аграрную специальность и, помимо качественного обучения, сформировать к моменту выпуска устойчивую мотивацию к работе в сельском хозяйстве. Ответ на вопрос, почему сельхозпроизводители продолжают жаловаться на кадровый голод, а притока молодых специалистов в отрасль не наблюдается, дают результаты проведенного нами в 2023 году онлайн-опроса студентов выпускных (3, 4 и 5-го) курсов Новосибирского государственного аграрного университета (НГАУ). Всего в обследовании приняли участие 679 респондентов, 60% из них должны были завершить образование в текущем учебном году. Доля юношей в выборке составила 25%, девушек — 75%⁶.

Как видно из таблицы, больше половины опрошенных (52%) оканчивали школу в городской местности (в Новосибирске и городских поселениях области и других по большей части сибирских регионов), при этом более 80% поступили в НГАУ сразу

6. В целом выборка участников опроса соответствовала структуре генеральной совокупности выпускников бакалавриата и специалитета НГАУ в 2023 г. по разным специальностям. 38% респондентов представляли Институт ветеринарной медицины и биотехнологии, по 14% — Институт фундаментальных и прикладных агробiotехнологий и факультет экономики и управления, 12% — Институт экологической и пищевой биотехнологии, по 11% — Инженерный институт и юридический факультет. При этом среди респондентов, обучающихся по инженерным направлениям, доминировали юноши (82% опрошенных), а среди будущих ветеринаров и зоотехников больше чем в среднем оказалось девушек (86% опрошенных).

после «школьной скамьи». Исключение составили обучающиеся по инженерным и агрономическим специальностям — четверть опрошенных из этих институтов (бывших факультетов) перед тем, как стать студентами университета, обучались в учреждениях СПО, в т.ч. при НГАУ. Отметим, что подобную образовательную траекторию сегодня нередко выбирают школьники, которые избегают проходить ЕГЭ после 11-го класса. Среди них немало сельчан, пробивающихся таким «окружным путем» к диплому о высшем образовании с помощью облегченного режима поступления в профильный вуз после обучения рабочей профессии. Из интервью с деканом: *«Учащиеся СПО при нашем вузе защищают диплом и поступают к нам по внутренним испытаниям, минуя ЕГЭ. Это наш приоритет: эти выпускники должны получать у нас высшее образование».*

В выборке доля горожан оказалась выше среди студентов ветеринарно-санитарного и зоотехнического направления (57%), а также универсальных юридических и экономико-управленческих специальностей (55 и 61%). Преобладание горожан в аграрном вузе можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, получаемые в вузе знания и компетенции можно применять не только в сельской местности: например, городской рынок труда для ветеринарных медиков более привлекателен (работа в ветеринарных клиниках), чем в селе; работа для специалистов экологических и пищевых биотехнологий всегда найдется на предприятиях по производству продуктов питания и в сфере торговли, расположенных в городской местности; инженеры по транспортно-технологическому оборудованию и комплексам, а также специалисты по агро- и биотехнологиям востребованы в организациях ЖКХ, транспорта и логистики, озеленения и обустройства городских пространств. Во-вторых, аграрный университет привлекает абитуриентов доступностью получения образования с помощью большого, на фоне других новосибирских вузов, количества «бюджетных мест». Так, 76% опрошенных студентов обучались на бесплатной основе, доля респондентов-бюджетников среди получающих профильные аграрные специальности (ветеринары и зоотехники, инженеры, агрономы и др.) варьировалась от 95 до 99%. В ветеринарном институте весомую долю получающих образование без оплаты составили «целевики» (10%), т. е. студенты, которые на стадии приема в вуз заключили контракт с обязательствами трудоустройства на сельхозпредприятиях и на этом основании могли быть зачислены даже при недоборе баллов ЕГЭ. В относительно конкурентных условиях поступали в аграрный университет экономисты (40% респондентов вносили за обучение полную оплату) и юристы (среди них были вынуждены платить за образование почти 80%).

Таблица. Ответы студентов выпускных курсов НГАУ (N=679) по направлениям подготовки, % ответивших, 2023 г.

	Институт ветеринарной медицины и биотехнологии	Инженерный институт	Институт фундаментальных и прикладных агробиотехнологий	Институт экологической и пищевой биотехнологии	Юридический факультет	Факультет экономики и управления	Всего
Место окончания средней школы							
город	57	47	42	42	55	61	52
поселок, село	17	32	26	28	24	27	23
Оценка правильности выбора профессии							
да, скорее да	86	82	86	79	86	91	85
нет, скорее нет	14	18	14	21	14	9	15
Намерения работать по полученной профессии							
да	52	28	48	35	57	43	46
нет	4	11	8	9	5	5	6
как получится	35	53	36	50	28	50	40
не знаю	8	8	7	6	10	2	7
Предпочтительные сферы и отрасли для работы (не более трех ответов)							
сельское хозяйство	63	32	47	30	3	18	40
здравоохранение, медицина	40	1	11	18	1	2	19
торговля	13	20	14	22	8	25	16
сфера услуг	14	4	10	22	13	21	14
промышленность	6	41	11	31	3	8	14
образование	11	13	10	8	15	16	12
силовые структуры	7	3	5	5	43	10	11
юридические службы	2	3	3	6	58	11	11
информационная сфера, IT-технологии	7	8	18	13	7	17	11

финансы, банки	3	8	5	6	9	38	10
Предпочтительное место жительства							
Новоси- бирск	31	45	25	38	57	39	37
Новосибир- ская обл.	11	15	13	4	7	9	10
Москва, Санкт-Пе- тербург	10	4	13	12	13	11	11
другие ре- гионы РФ	16	16	14	12	20	14	15
затрудняюсь ответить	35	31	38	36	13	35	33

О. П. Фадеева
Сельский рынок
труда в фокусе аг-
рарного образова-
ния, вовлечения
и закрепления мо-
лодых работников

Не нужно сбрасывать со счетов еще одну причину преобладания в аграрном университете городских студентов — близость жилья к учебному заведению, позволяющая молодым людям экономить время и силы на проезд в мегаполисе, стимулирует выбор профессии, работать по которой они не планировали. Для приезжих проживание в большом городе обходится недешево, даже если само обучение бесплатно. Поэтому платежеспособность сельских родителей в немалой степени влияет на шансы сельской молодежи получить высшее образование вдали от родительского дома.

Относительно невысокие проходные баллы ЕГЭ⁷ не решают для НГАУ проблему с выполнением контрольных цифр приема и привлечением в аграрное образование молодых людей, успешно закончивших среднюю школу и способных в дальнейшем пополнить отряд молодых специалистов. Из интервью с преподавателем: *«Наш университет имеет самое большое количество бюджетных мест в Новосибирской области, практически со стопроцентной гарантией поступления — просто нужно сдать ЕГЭ на минималку. У нас нет конкуренции: конкурс в среднем составляет 0,98 человека на место, а по отдельным направлениям — 1 человек на место. В результате к нам приходят студенты с низ-*

7. Пару лет назад НГАУ поменял свою ведомственную принадлежность и из Министерства сельского хозяйства перешел под ведомство Министерства высшего образования и науки РФ. В связи с этим изменились правила приема в вуз: с 27–30 до 39–40 баллов (из 100) повысились пороговые значения результатов ЕГЭ по математике и русскому языку для зачисления «на бюджет», что привело к отсеиванию ряда абитуриентов, преимущественно из сельской местности, которые ранее (при более низком проходном балле) беспрепятственно могли попасть в число студентов, в т.ч. на бесплатной основе. Таким образом, поступление в НГАУ еще более упростилось для горожан, чьи показатели по ЕГЭ в среднем выше, чем у выпускников сельских школ.

кими (пороговыми) баллами. Низкие — это все, что меньше бо баллов. Даже поступающие на ветеринарию, которую мы всегда относили к элитному направлению, потихоньку стали брать средний балл, хотя там есть ребята с баллами выше 200 суммарно по трем экзаменам. Но альтернативы, кроме нашего вуза, у них может не быть. Иногда к нам вынужденно идут учиться на ветеринара те, кто хотел бы обучаться в классическом медицинском вузе, где мало бюджетных мест и очень высокая плата за обучение, которую среднестатистическая семья вряд ли потянет».

Из-за боязни значительной части школьников сдавать профильные (усложненные) ЕГЭ по математике и физике НГАУ с трудом проводит набор студентов в инженерный институт: «Чтобы сдать профильную математику, нужно иметь хорошую математическую подготовку, которую учителя в сельской школе, одновременно преподающие по 9–10 предметов, не могут обеспечить заинтересованным в этом ученикам. Мы декларируем, что поддерживаем инженерное образование, но при этом вводим для абитуриентов на эту специальность обязательность ЕГЭ по профильным математике и физике, тем самым снижаем поток поступающих, в первую очередь из сельской местности. Нужно, наверное, действовать по-другому: устроить для первокурсников дополнительные занятия, чтобы подтянуть за полгода их школьные знания, необходимые для усвоения дальнейших курсов, а не обрезать этим “профилем” базу абитуриентов. Сейчас же мы вынужденно нарушаем учебный план: в курсе “высшая математика” доучиваем ребят по программе 11-го класса, а на курсе “риторика” учим их писать без ошибок. К нам приходят студенты с разным уровнем подготовки, поэтому по факту мы тратим первый год обучения на выравнивание этих разрывов».

По сути, перед вузом стоит дилемма: проводить отбор среди тех, кто удовлетворяет конкурсным требованиям (проходит по ЕГЭ), или смотреть на шаг вперед — и делать скидку тем абитуриентам, кто более ориентирован на работу в сельском хозяйстве. Недостаточный уровень знаний сельских школьников на входе в вуз, по мнению эксперта, не должен ограничивать их возможности для получения нужных для села профессий: «Нельзя деревенских ребят, которые много что могут делать своими руками, лишать агроинженерного образования. Мы же их обучаем не просто чертёжам, а работе с тракторами, машинами, комбайнами и сложными технологическими системами, где без умелых рук вообще делать нечего. Это важно понимать, потому что современная техника сейчас стоит огромных денег. Поэтому сотрудничающие с нами сельхозпредприятия привозят к нам свои тракторы, чтобы ребята своими руками что-то учились делать».

Не раз в наших беседах с администраторами и преподавателями разных агроуниверситетов страны поднимался вопрос о необ-

ходимости более плотного сотрудничества вузов с работодателями. Речь шла о том, что последним нужно серьезнее вкладываться в подготовку молодых кадров, а не ограничиваться предоставлением площадки для отработки студентами производственной практики. Возможно, для этого стоит ввести процедуру своего рода заказа нужных специалистов, в т.ч. на рыночных условиях. Этот подход радикально отличается от формата целевого образования, когда за обучение студента платит государство, а работодатель получает специалиста «бесплатно». По действующим правилам «целевикам» важно завершить образование, иначе потребуются возвращать деньги за обучение, но принудить их к трудоустройству на сельхозпредприятии на оговоренный в контракте срок не так-то просто. Расторгнуть контракт «целевик» может в судебном порядке, если докажет, что работодатель не выполнил перед ним как молодым специалистом предписанные условия (не только по зарплате, но и по предоставлению жилья и другим социальным обязательствам).

Пока же в вопросе усиления кооперации между сферой образования и реальной экономикой позиции сторон не всегда совпадают. Работодатели сетуют на то, что вузы и учреждения СПО не справляются с качественной подготовкой специалистов, учат студентов по устаревшим программам и на старых технологиях, недостаточное внимание уделяют практическим занятиям, а преподаватели имеют слабое представление о том, что сейчас происходит в отрасли: *«В институте учат, наверное, современным методам, только современность эта приходится на 1960-е годы. Машины, которые там до сих пор изучают, даже в металлоломе сейчас не найти, все уже давно переплавлено. Методы работы с землей абсолютно не соответствуют нынешним. В 2005 году я пришел после института на работу на предприятие. Меня учили в вузе агрономы — “глыбы”. Но когда мы начали у себя внедрять “ноу-тилл” и обратились к этим профессорам с просьбой нам помочь, то услышали в ответ: “А это что?” И до сих пор в вузах учат, что вспашка — это единственно разумный способ ведения хозяйства!»* (Нижегородская обл.).

И эти обвинения звучат на фоне усилившегося процесса оснащения передовых аграрных университетов новейшей сельхозтехникой и лабораторным оборудованием, предназначенным в том числе для проведения генетических исследований. Однако сохраняющееся отставание основной массы вузов от одиночных лидеров во многом обесценивает эти успехи.

Претензии представителей образовательной сферы не менее серьезны: кооперация с аграриями не всегда получается результативной, так как образованию не хватает ресурсной поддержки и от государства, и от тех, к кому выпускники вузов в скором времени придут на работу. На выходе из вуза вместо готового специалиста получается скорее «полуфабрикат». Руководство

предприятий и фермеры, которые подключаются к переобучению специалистов «постфактум», вынуждены доводить вчерашних студентов до нужной кондиции. Продолжение интервью с представителем НГАУ: *«Крупные агрокомпании нередко переучивают наших выпускников, отправляют их “прокачиваться” в Москву, в Омск. Доучиваться по факту. Сделать пока мы ничего не можем, так как нашим преподавателям самим нужно где-то регулярно переобучаться, чтобы соответствовать требованиям времени. Но у хороших преподавателей должна быть хорошая зарплата, а с этим тоже проблема. Вот и посылают агрохолдинги наших молодых животноводов знакомиться с новейшими технологиями производства молочной продукции на специальные курсы или в другие хозяйства, а инженеров — учиться работать с продвинутой техникой. В вузе они обучались на тракторах “Беларус”, поэтому когда им другой трактор дают для профилактики или ремонта, то они с ним “в лужу садятся”. “Беларуса” можно отверткой починить, а сложная техника требует дополнительной квалификации».*

Из интервью с главным инженером, выполняющим на предприятии также функции главного строителя и агронома: *«У нас месяц назад на всех фермах работал один ветеринарный врач с высшим образованием. Сейчас вот двух молодых девочек взяли после вуза. Учим их сами у себя на производстве. И с агрономами та же ситуация. В прошлом году двух мальчишек из агроуниверситета взяли, а до этого вообще ни одного агронома у нас не было хоть с каким-то образованием. С точки зрения пользы для предприятия обучать, доучивать у себя специалистов — это правильно!»* (Нижегородская обл.). Таким образом, воспроизводится принцип: главное, чтобы молодой специалист попал на предприятие, а там из него быстро «сделают человека».

Как сами студенты оценивают правильность своего профессионального выбора, куда планируют пойти работать после вуза и где жить? Как показывают данные таблицы, при высокой лояльности новосибирских студентов к своей профессии (более-менее позитивно оценивают свой выбор от 79 до 91% ответивших по разным направлениям) доля желающих работать по ней в среднем ниже 50%. Причем среди решительно настроенных на трудоустройство по специальности больше оказалось ветеринаров и юристов (52% и 57% соответственно), меньше — инженеров (28%). По сути, сопоставимой по количеству «верных профессии» оказалась группа тех, кто в выборе рабочего места в меньшей степени полагается на запись о квалификации в своем дипломе. На вопрос о предпочтении мест для трудоустройства ответ «как получится» дали от 35 до 53% респондентов (больше всего — инженеры), и в среднем 7% расписались в своем незнании. Подобное распределение ответов может говорить о том, что, с одной стороны, студенты реалистичны в своих прогнозах и готовы адаптироваться к любой ситуации, поэтому не настаивают на поис-

ке работы по специальности, с другой стороны, сфера аграрного образования как будто отчасти работает «вхолостую» — и выпускает на рынок труда молодежь, которая весьма гибко реагирует на меняющиеся обстоятельства. Работать в сельском хозяйстве на момент опроса помышляли в среднем 40% респондентов. Более серьезные, чем у других опрошенных, намерения на этот счет высказывали обучающиеся в ветеринарном и агрономическом (агробиотехнологическом) институтах, т. е. те, кого готовили к работе непосредственно в сельском хозяйстве. Трудоустроиться на предприятия промышленности больше, чем другие, были склонны студенты инженерного института, а также института экологической и пищевой биотехнологии, занятость в сельском хозяйстве для этих групп специалистов оказалась на втором месте. Сфера торговли и услуг рассматривалась респондентами своего рода «запасным аэродромом» для трудоустройства вне зависимости от приобретенной квалификации, при этом для экономистов помимо работы в сфере финансов и банковского дела она вошла в число базовых. Юристы выбирали будущее трудовое поприще сугубо профессионально — в юридических службах и силовых структурах (полиция, армия, служба приставов, охрана) — и практически никто не видел себя в аграрной сфере. О слабой профессиональной ориентации выпускников известно и руководству НГАУ. Согласно данным ректора этого вуза, в период с 2017 по 2021 год общий уровень трудоустройства выпускников вуза серьезно подрос — с 67 до 94%, но при этом упал уровень их поступления в сельскохозяйственные организации — с 8,1 до 5,9%. Таким образом, на предприятия отрасли после окончания профильного вуза с каждым годом отправляется работать все меньшее (по сути, минимальное) число молодых специалистов. Косвенно о том, что перелом в этом отношении в ближайшее время ожидать не стоит, говорят данные о предпочтительных для респондентов мест их проживания после окончания вуза. В соответствующем рейтинге (табл.) лидирует Новосибирск и окружающая его агломерация (37%), желание уехать жить в сельскую местность Новосибирской области на момент опроса выразили 10% выпускников. Треть респондентов, видимо, полагаются на «волю случая», затрудняясь с ответом. Можно сказать, что настрой студентов на будущее близок к их планам в отношении работы — вполне отчетливо просматривается общая позиция «как получится, как придется и будь что будет, а мы ко всему приспособимся». Получается такой своеобразный гибрид юношеского инфантилизма и авантюризма.

Экономика и сельский образ жизни: комплексное (гармоничное) развитие

Даже если выпускник вуза или колледжа приехал работать в сельскую местность, в т.ч. к себе домой, это не означает, что он там на-

долго задержится. Как отмечали наши информанты-работодатели, нередко молодые специалисты быстро осознают нехватку имеющихся у них знаний и практических навыков. Кто-то из них стремится побыстрее наверстать упущенные пробелы и состояться в профессии, а кто-то болезненно воспринимает свою неопытность и предпринимает все возможное, чтобы найти работу в городе, не требующую специальной подготовки. Зачастую успешно освоиться на рабочем месте на ферме или в поле молодому человеку мешает отсутствие наставничества на предприятиях, которое широко применялось в советское время. Иногда молодые люди оставляют работу, ссылаясь на непрестижность труда в сельском хозяйстве или же на плохие, по сравнению с городом, условия жизни. Порой решение о переезде (или даже бегстве) в город молодые люди принимают спонтанно, не учитывая возможные последствия. Из интервью с молодым специалистом ветеринарной службы: *«Среди моих знакомых стало популярно трудоустройство в частных клиниках — лечить собак, кошек, так как это “легкие деньги”. Но я бы не сказала, что с домашними животными намного проще работать, чем с сельскохозяйственными, ведь там нет узкой специализации, может случиться всякое. Не всегда молодые люди понимают, что их ждет на новом поприще, а когда разберутся со всей его подноготной и она им не понравится, то все равно не спешат возвращаться в село из-за опасения, что окружающие сочтут их неудачниками. Хотя вернуться обратно хотят многие. Тем более что сейчас в нашей профессии много работы, связанной с компьютером, цифровизацией, и она хорошо оплачивается. Молодежи проще во всем этом разобраться»* (Пензенская обл.).

Порой работодатели теряются в догадках о причинах увольнения своих молодых работников, которые вроде бы успели поработать в хозяйстве, начали неплохо зарабатывать, но внезапно решили поменять село на город, несмотря на явные материальные потери. Из интервью с управляющим сельхозпредприятием: *«Вот работает на ферме молодой человек, получает 60 тысяч. Но в какой-то момент ему надоела здесь “навоз грести”. В райцентре снимает квартиру, идет работать в «Пятерочку», получает 25 тысяч, но он — белый человек! И друзья его туда тоже перебираются. Матери и отцы на ферме работают, а детям тут сложно оставаться. Многие семьи столкнулись с тем, что подростки наследники поехали в город: думали, что город без них пропадет, там их ждет большая зарплата и сытая жизнь! Мы пытаемся с уходящими от нас работниками говорить, чтобы выяснить их мотивы, но все называют какие-то нелепые причины увольнения. Спрашиваем: “Зарплата там больше?” — “Да нет, кто мне больше заплатит?” — “Условия лучше?” — “Нет”. Объективной картины так не получишь. Как правило, уходящий человек чем-то обижен. Если он уходит, значит, ему чего-то не хва-*

тило — слишком многого хотел. Возможно, через пять минут он уже пожалеет о своем решении, но в силу гордости все равно уйдет» (Нижегородская обл.).

Не секрет, что привлекательность «огней большого города» в России зиждется на заметном отставании сельской местности по разным параметрам качества жизни. Для сокращения разрыва Министерство сельского хозяйства Российской Федерации с 2020 по 2025 год реализует Государственную программу «Комплексное развитие сельских территорий» (КРСТ), утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696. Ключевые цели данной Госпрограммы предусматривают сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации на уровне не менее 24,7%; доведение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 65,7%; повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 40%. В качестве инструментов достижения целей Госпрограммы предусмотрены федеральные проекты: «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений»; «Содействие занятости сельского населения»; «Благоустройство сельских территорий»; «Развитие транспортной инфраструктуры на сельских территориях»; «Современный облик сельских территорий». Чтобы оценить выполнение Госпрограммы, Минсельхоз РФ инициировал серию обследований социально-экономического состояния сельских территорий и малых городов в 79 регионах. Анализ собранных материалов показал продолжающуюся поляризацию сельского пространства (Нефедова, Трейвиш, 2020) — рост числа малых поселений при концентрации жителей в крупных населенных пунктах⁸. Отмечен критический разрыв в обеспеченности основными инфраструктурными объектами и коммуникациями в разных группах поселений (худшая ситуация — в небольших деревнях), причем «по отдельным видам объектов каждая последующая группа населенных пунктов превосходила предыдущую в 3–4 раза». В то же время наблюдалось снижение

О. П. Фадеева
Сельский рынок
труда в фокусе аграрного образования, вовлечения и закрепления молодых работников

8. Число обследованных и имеющих постоянное население сел и малых городов составило в 2021 году 116 992 единицы. Больше половины населенных пунктов (53,7% в 2020 и 58,9% в 2021 годах) оказались малыми поселениями, т. е. численность их населения не превышала половины от средней численности жителей населенных пунктов региона. При этом в такого рода поселениях проживало всего 10% сельского населения. Доля крупных населенных пунктов, которые по числу жителей превышали средний по регионам показатель, составляла в 2020 году 16,7% во всей выборке, а количество проживающих в этой группе населенных пунктов жителей оказалось в 35 раз больше, чем в малых, и в 5,5 раза больше, чем в средних поселениях. В расчете на все обследованное сельское население средняя численность проживающих в одном населенном пункте составила от 395 до 400 человек.

уровня загруженности учреждений социальной сферы по мере перехода от крупных населенных пунктов к малым и средним. Было признано, что «одним из наиболее существенных инфраструктурных ограничений развития сельских территорий остается недостаточное развитие сети автомобильных дорог местного значения». К 2020 году «удельный вес населенных пунктов, не имеющих дорог с твердым покрытием в общей протяженности дорожного покрытия, составил 61,9%» (Доклад, 2022). За прошедшие годы коренного перелома в состоянии региональных и межпоселковых дорог практически не случилось. Дорожно-транспортные условия по-прежнему затрудняют для сельских жителей доступность многих благ цивилизации и воспринимаются ими особенно болезненно.

На основании проведенных нами интервью мы можем утверждать, что удержать в селе молодежь только высокими зарплатами уже довольно сложно — особенно это касается людей с профессиональными и иными амбициями. Занятые в аграрной отрасли специалисты, помимо повышенных требований ко всему, что относится к их месту работы, не менее чувствительны к качеству среды проживания. Людей, особенно с высшим образованием, уже не устраивает только заасфальтированные и освещенные улицы и подведенные к частным домам инженерные коммуникации, хотя по уровню благоустройства жилья некоторые села сегодня могут дать фору пригородным коттеджным поселкам или городским микрорайонам. Чистый воздух, богатая природа, возможности для свободного времяпрепровождения детей — несомненное преимущество сельского образа жизни, но молодых людей также заботит качество и доступность медицинских услуг, наличие высокоскоростного интернета и условий для дополнительного образования детей и взрослых, а в идеале — близость мест для разнопланового отдыха, наличие развитой сферы образовательных, финансовых и иных услуг, возможностей для занятий спортом. А если этого нет и не предвидится — привлекательность сельского образа жизни для молодых и не только сельчан заметно снижается.

При всей важности проектов КРСТ и региональных программ поддержки местных инициатив (иногда их называют программами инициативного бюджетирования), включая активно развиваемое в последние годы направление сельского туризма, денег на всякого рода «инфраструктурные прорывы» все равно катастрофически не хватает. У преимущественно дотируемых сельских бюджетов (Моляренко, 2021) нет средств на софинансирование реализации предлагаемых местной властью бизнес-планов социального развития, далеко не во всех поселениях действуют сильные предприятия, готовые стать финансовыми гарантами заявленных проектов, пассивность населения в воплощении последних порой крайне сложно преодолеть (Кондратьев, Фадеева, 2021). К тому же не снята неопределенность с продвижением реформы по упразднению двухуровневой системы муниципальных органов власти и, по сути, от-

мены так называемых сельсоветов, во многих случаях выполняющих функции локальных координаторов и защитников интересов местных сообществ (Фадеева, 2022). Неясной остается судьба пусть и небесспорной идеи создания сельских агломераций⁹, призванных выровнять инфраструктурные условия в сельских поселениях разных регионов России (Харитонов, 2019; Семенова, Семенов, 2021; Фадеева, Нефёдкин, 2023).

Массовая кампания по созданию сельских агломераций по всей стране¹⁰, которая, правда, уже выпала в 2024 году из активного словаря государственных нарративов, без тщательной и критической проработки рискует повторить ошибки, совершенные при реформировании здравоохранения, школьного образования и местного самоуправления в сельской местности в конце 2000-х годов. Их результатом стало укрупнение сети соответствующих учреждений и исчезновение с территории малых, а иногда и средних по масштабу поселений пунктов по оказанию первичной медицинской помощи, детсадов, школ, сельских администраций, что и послужило основной причиной упомянутой выше пространственной поляризации. Вместо ожидаемого эффекта «оптимизация затрат» снизилась качество и доступность социальных услуг для сельских жителей, в т.ч. из-за плохого состояния дорог, отмены или сокращения гра-

9. Ради значительного снижения темпов миграции сельского населения в крупные города весной 2023 г. Минсельхоз РФ дал старт разработке планов развития 1800 сельских агломераций, состоящих из опорных населенных пунктов (ОНП) и прилегающих к ним в радиусе 50 км территорий, и синхронизации финансирования соответствующих мероприятий в рамках отраслевых государственных программ. Подобные периферийные (в противовес городским агломерациям) «точки роста» должны, по замыслу чиновников, запустить ускоренное строительство и модернизацию объектов социальной, транспортной, инженерной и информационно-коммуникационной инфраструктуры в ОНП, удовлетворяющих также потребности граждан окрестных сел. В качестве критериев выделения ОНП были вынесены: численность населения от 3 тыс. до 50 тыс. чел.; наличие круглогодичной транспортной связи по автомобильным дорогам общего пользования с административным центром субъекта РФ и площадок для перспективного развития и застройки; доступ к объектам систем газоснабжения (для газифицированных территорий), централизованного и (или) автономного теплоснабжения, водоснабжения и канализации; широкополосному Интернету; медицинским организациям, образовательным организациям дошкольного, школьного и профессионального уровня; учреждениям культуры, государственных, муниципальных и финансовых услуг, предприятиям розничной торговли и бытового обслуживания у более 50% населения ОНП. «Приписанные» к ОНП села и деревни должны находиться на расстоянии не больше 50 км от них и иметь хорошую транспортную доступность. Для территорий с высокой или низкой плотностью населения допускаются отклонения от приведенных норм.
10. *Гурьянов С.* Расселись тут: в России появится почти 2 тыс. сельских агломераций. <https://iz.ru/1503447/sergei-gurianov/rasselis-tut-v-rossii-poiavitsia-pochti-2-tys-selskikh-aglomeratcii>

фика работы общественного транспорта, который по разным причинам оказывался для перевозчиков нерентабельным. Ухудшило ситуацию и недофинансирование оставшихся в сельской местности социальных объектов, которые стали терять квалифицированные кадры, испытывать проблемы с комплектацией оборудованием и ремонтом зданий и коммуникаций.

Есть и историческая аналогия с сельским «агломерированием». Речь идет о проводимой в 1960–1970-х годах в СССР кампании по ликвидации «неперспективных деревень» и созданию «агрогородов», которые были инициированы Академией строительства и архитектуры СССР в соответствии с решением Пленума ЦК КПСС в декабре 1959 года о разработке новых схем районных и внутрихозяйственных планировок. Под лозунгом «стирания границ между городом и деревней» проходило переселение жителей из мелких населенных пунктов (как правило, отделений колхозов и совхозов), отнесенных к числу неперспективных из-за малочисленности населения и отсутствия инфраструктуры, в более крупные (как правило, центральные усадьбы тех же предприятий) с размещением в них основной массы производственных и социально-бытовых объектов. Политика планового изменения систем сельского расселения определялась в первую очередь производственной необходимостью. Руководство страны полагало, что высокомеханизированному сельскому хозяйству должны соответствовать высококонцентрированные формы поселений: планировалось, что на одно предприятие (колхоз или совхоз) будет приходиться один или два поселка с числом жителей от 1–2 тыс. до 5–10 тыс. чел. При этом в число «неперспективных» попадало до 80% деревень. По объективным причинам эти планы не удалось реализовать в полной мере. Массовое переселение сдерживалось отсутствием минимально необходимых материальных условий. Вместо этого в населенных пунктах, отнесенных к неперспективным, приостанавливались строительство и ремонт школ, магазинов (сельпо), клубов и других учреждений, а также дорог, систем водоснабжения и отопления, что приводило к их постепенному разрушению и закрытию, и как следствие — к оттоку населения (Мазур, 2005; Усольцева, 2018). Результаты кампании оказались далеки от ожидаемых. Контрольные показатели по переселению не были выполнены, перспективные села не получили достаточных ресурсов для строительства жилья, социально-культурных и производственных объектов, во многом были подорваны основы традиционного сельского образа жизни. Конечно, сейчас принудительным перемещением жителей в «очаги» инфраструктурного развития никто заниматься не собирается, однако меры по централизации обслуживания, совершенствованию коммуникаций и переносу жизненно важных объектов инфраструктуры в опорные пункты будут стимулировать население самостоятельно принимать решение о переезде и не очевидно, что большинство из них выберут сельскую местность.

При всей схожести замыслов советской и постсоветской моделей трансформации сельского пространства они имеют одно важное отличие. 50–60 лет назад централизация сети расселения ограничивалась периметром одного хозяйствующего субъекта — колхоза или совхоза — и была подчинена интересам его развития. Сейчас в планах преобразований сопряжение модернизации опорных пунктов с размещением сельскохозяйственного и другого производства в сельских районах не затрагивается, нет привязки агломераций к административным границам муниципальных образований. Непонятно, что будет происходить за пределами 50-километровой «зоны отсечения» прилегающих территорий и как будут поддерживаться объекты социальной и коммунально-бытовой инфраструктуры вне опорных пунктов.

Мы не ставим под сомнение необходимость радикального улучшения условий жизни сельского населения — без этого сложно развивать местную экономику, привлекать и удерживать кадры в сельском хозяйстве, создавать новые сферы занятости, в том числе связанные с ИТ, дистанционной работой и обучением, рекреацией, туризмом и проч. Однако решать все эти проблемы «сверху» по одному «лекалу», не обращая внимания на уже сложившиеся практики хозяйствования и жизнедеятельности на отдельных территориях, было бы неконструктивно: любые планы КРСТ и развития агломераций должны обсуждаться исходя из запросов существующих производств, интересов коренного населения и, возможно, инвесторов, которые бы хотели вдохнуть новую жизнь в это пространство. Важно совместить здравый смысл с обдумыванием возможных решений. Например, если в деревне почти не осталось жителей и мало детей, но поблизости есть работа, нужно сделать так, чтобы люди не снимались с насиженных мест, а оставались там, где им нравится жить, — для этого важно обеспечить транспортную доступность, отремонтировать дороги и обеспечить их эксплуатацию. Если нет возможности сохранить внутри села полноценные детские учреждения, то на какое-то время их здания можно законсервировать или перепрофилировать, а для дошкольников или школьников продумать альтернативные варианты — либо возить их туда, где качество услуг им будет обеспечено, а график доставки будет удобен детям и их родителям, либо создавать по месту жительства домашние детские сады и небольшие школы, в т.ч. опирающиеся на получение качественного дистанционного образования по узким предметам под присмотром опытных педагогов на местах. Обдумыванием доступного набора решения насущных проблем людей с оценкой альтернативных издержек разумнее заниматься не где-то в столицах или райцентрах (ОНП), а лучше на местах — с привлечением к дискуссии местных работодателей, представителей власти и населения. Как показывают наши интервью с представителями агробизнеса, они не мыслят только категориями доходов и текущих показателей — их заботят ближайшие и отда-

ленные перспективы развития территорий, где они работают. Поэтому участие в формировании комплексной (гармоничной) модели развития для них не менее важно, чем экономические параметры.

Из интервью с владельцем племзавода: *«Кадров у нас хватает. Но мы за последние годы по “валовке” (валовому производству) выросли почти в три раза, по обрабатываемым земельным площадям — в два раза, хотя справляемся тем же количеством работников. Да, появляются разные технологии, но это и хорошо, и плохо. В плане сокращения занятых на предприятии — это хорошо. Но мы так можем досокращаться до того, что и садик со школой придется в селе закрыть, раз людей на производстве станет меньше, а другой работы здесь нет. Баланс нужен. Мы должны понимать, что нужно делать с нашей отдаленной территорией. Со временем здесь будет работать техника “на цифре”, у нас уже сейчас трактор ездит без человека, только на разворотах на поле механизатор ему помогает. А что будет дальше? Два мужика вспашут, посеют, уберут урожай, а садик со школой закроются?! С таким подходом сюда и дороги скоро не будет. На вертолетах будем возить свою продукцию — молоко, мясо, скот? Мы должны понимать, что нужно делать с матушкой Россией! Это же большой огород — будет он заброшен или ухожен? Нам приходится быть социально ответственными. С помощью программ КРСТ мы строим в селе жилье — и не только для наших работников. Врачу дом строим, учителю уже построили. Если работник проработает на нашем предприятии пять лет, то он свой дом за 10% от стоимости выкупит, а если 10 лет — то за 1%. Мы здесь освоили 200 с лишним млн рублей по всем направлениям, благодаря в т.ч. нашей строительной бригаде. Сейчас пытаемся включиться в программу “Формирование комфортной городской среды”».*

Не менее эмоционально этот руководитель рассуждает о необходимости всестороннего раскрытия талантов деревенских ребятшек: *«У нас есть в селе Дом культуры, там какие-то кружки работают, но больше они существуют для статистики, для отчетов, иначе ДК закроют. Проблема — где взять специалистов? Вот есть у нас музыкальная школа, но туда два раза в неделю приезжает учитель из райцентра. А нужны еще преподаватели по рисованию, по местным промыслам. Раскрыть талант ребенка сегодня намного легче в городе, чем здесь. Но мы должны стремиться продолжать развивать и сельские школы, и сельские детсады, и местные школы искусств, хотя, наверное, не в каждом селе, но там, куда могут легко добраться жители небольших поселений. Иначе наши дети не смогут поступить и учиться в городских вузах, чтобы потом применять свои знания на малой родине»* (Нижегородская обл.).

За этими словами угадывается желание хозяйственника вернуться к тому, что совсем недавно называлось принципами «колхоз-

ного строительства», которые сводились к ответственности колхоза или совхоза за все, что происходило на территории размещения его производства. Конечно, сегодня полузабытый симбиоз экономического и сельского развития востребован далеко не везде, скорее — его берет на вооружение крупный бизнес, который ради окупаемости инвестиций в производственные фонды вынужден вкладывать деньги в человеческий капитал и его воспроизводство. Но и другие сельхозпредприятия и фермеры вынуждены принимать меры для удержания работников: применять собственные ипотечные программы, приспособливаясь под нужды своего коллектива, включая в условия погашения кредитов требования о трудовой дисциплине и производительности.

Из интервью с кубанским фермером: *«Мы части наших работников выдаем беспроцентную ипотеку, которой нет даже в Газпромбанке или в программе “Сельская ипотека”. Если мы видим, что человек зарекомендовал себя с хорошей стороны, что не нарушает рабочий режим, не злоупотребляет спиртным, хороший механизатор, мы приобретаем ему недвижимость по фиксированной стоимости, а он ее в рассрочку гасит лет 10. При этом фиксированной цены нет, также нет штрафных санкций. Захотел — ничего не погасил, захотел — 100 тыс. руб. за месяц погасил. Если у человека семейные обстоятельства какие-то возникли, можно срок выкупа увеличить. У каждого из местных фермеров своя стратегия насчет того, как привязать к себе человека. Раньше в колхозе, в бригаде, работало около 50 человек, сегодня — в поле работает около 20, а земли обрабатывается гораздо больше»* (Краснодарский край). Подобные инструменты кадровой политики во многом завязаны на масштаб и рентабельность сельхозпроизводства, поэтому не могут быть доступны всем российским производителям.

Возвращаясь к проблеме закрепления молодежи в аграрной сфере, отметим еще один важный момент, прозвучавший в проведенных нами интервью. Речь идет о внутрихозяйственной кадровой политике, нацеленной на создание атмосферы профессионального доверия к молодым специалистам, подкрепленной их участием в программах непрерывного обучения на рабочем месте и за его пределами, приемами team-building.

Из интервью с молодым специалистом крупного молочного предприятия, ответственным за ветеринарную службу: *«Я занимаюсь на нашем предприятии кадрами. После внедрения системы мотивирования персонала у нас в целом по хозяйству показатели хорошо выросли, и проблема с кадрами намного уменьшилась. Именно ветеринарной и зоотехнической работой у нас занято много молодых специалистов, которые планируют остаться на предприятии. В том числе это заслуга нашего главного ветврача, которая умеет найти подход к молодежи. Мы расположены в очень неудобном месте — далеко и от регионального,*

и от районного центра: у нас нет поблизости ничего, что нужно молодежи, — ночных баров, кафешек. Но что мы делаем? Идем компанией на речку, в лес, вместе занимаемся спортом, творчеством. Студенты были у нас в этом году на практике, почти каждый нам говорил: “Хочу у вас работать!” Руководство к нам прислушивается, не говорит, что что-то нам нельзя делать. Все можно: только на цифрах обоснуй, что тебе нужна именно эта вакцина, а не другая, или еще что-то. Мы оценили потери предприятия от убийства коров из-за хромоты и тем самым доказали, что ортопеды — это элита в животноводстве, поэтому им нужна высокая заработная плата. Таких примеров можно привести много. Когда ты включаешься в процесс и сумеешь подтвердить свою позицию, тебе позволяет все. Нужен новый станок, качественные ножи, вакцины — тебя ими обеспечат. Но где найти такого человека, который будет хотеть это все доказывать? А его нужно вырастить! Вот пришел к нам молодой ветврач, 23 года, занимается маститом. Кто-то ушел в отпуск, мы этого новичка ставим на освободившееся место: на молодняк, на “сучостой”, в родильное отделение, чтобы он все попробовал. У нас совещания проводятся каждую неделю — все моменты, где у него или не получается, или он чего-то недопонимает, мы стараемся вместе обсудить. Также важную роль играют командировки: мы отправляем молодых на разные выставки, совещания, образовательные курсы, они посещают другие хозяйства. Нам надо, чтобы они смотрели, набирались опыта, общались с другими людьми. Если им дают шансы для профессионального роста, то им уже не кажется, что они “сидят в навозе” и у них нет будущего. Когда наши молодые ветврачи возвращаются из города домой, то часто говорят: “Нет, я бы там жить не стал, там нет такого свежего воздуха и свободы, как в деревне”. Мы постоянно общаемся, дружим, думаем, доказываем. Поэтому у нас с кадрами в ветслужбе проблем нет!» (Новосибирская обл.).

Возможно, молодой информант пытался представить чрезвычайно радужную картину, умолчав об имеющихся проблемах, но подход к поддержке молодых через активное трудовое участие в делах сельхозпредприятия заслуживает особого внимания.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что проблемы вовлечения и закрепления молодежи в аграрной отрасли многогранны и требуют вдумчивого подхода к решению целого ряда вопросов. В трансформации нуждается аграрное среднее и высшее профессиональное образование, которые требуют актуализации в соответствии с используемыми в современном сельском хозяйстве технологиями. Необходимо также усиление внимания к обучению студентов практическим

навыкам и приобретению компетенций, подтвержденных теоретическими знаниями. Добиться этого без комплексного сотрудничества учебных заведений с сельхозпроизводителями вряд ли получится. Как это можно сделать и при этом своевременно выявить профориентацию студентов, чтобы дифференцировать условия обучения, — предмет совместных обсуждений представителей бизнеса с преподавательским сообществом. Чтобы разорвать «порочный круг» в существующей системе («вузы — предприятия сельского хозяйства»), требуется, на наш взгляд, увеличить выпуск специалистов «под заказ». В этом случае работодатели будут активнее участвовать в подготовке для себя трудовой смены, нести соответствующие затраты и риски. Это может повлиять на политику аграрных вузов, когда выяснится, что необходимо сокращать набор студентов по разным специальностям, повышать качество профильного образования и в большей степени ориентироваться на реальные запросы рынка труда. Именно этим, возможно, обусловлена риторика представителей Министерства сельского хозяйства РФ, направленная на сокращение финансового обеспечения аграрного образования¹¹.

Требуется серьезная реновация сельского образа жизни, подкрепленная инфраструктурной модернизацией сельских территорий и созданием разнообразной и доступной социальной среды. На наш взгляд, стоит активнее ставить и решать эти вопросы на локальном уровне, а не полагаться на единые «универсальные» модели комплексного развития сельских территорий или создания сельских агломераций. Важно задействовать опыт, возможности, намерения всех, кто заинтересован в преломлении негативных трендов, чтобы создать для молодых специалистов такие условия работы и жизни, чтобы они не заикливались на «непрестижности» своего статуса, были уверены в будущем своих детей, в полной мере вкушали преимущества гармоничного сосуществования с природой, видели горизонты личного профессионального и человеческого роста.

Сокращение совокупной занятости непосредственно в сельском хозяйстве будет продолжаться и далее, но это не означает, что вслед за этим должна исчезнуть сама сельская жизнь. Как наполнить ее новым смыслом, привлечь сюда качественно новых поселен-

11. Из выступления первого замминистра сельского хозяйства Оксаны Лут весной 2024 г., адресованного аграрной высшей школе: «Умеете заниматься непрофильными направлениями, у вас есть преподавательский состав, есть помещения, занимайтесь этим, но только за внебюджетные деньги. Весь бюджет с 2025 года <...> перераспределяем на наши профильные направления. Нам нужно готовить больше кадров для себя, чтобы мы не остались без этих кадров». В России работают 57 аграрных вузов, контрольные цифры приема на 2024/2025 учебный год составят 50 тыс. чел. <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42105-minselkhoz-zayavili-ob-ottoke-200-tysyach-kadrov-iz-apk>.

цев, развернуть новые сферы экономики и придумать конкурентные доходные занятия — это насущные вопросы, решать которые предстоит и российской власти, и бизнесу, и молодежи, определяющей со своими жизненными планами.

Библиография

- Доклад* о результатах проведенного мониторинга состояния социально-экономического развития сельских территорий в 2022 году. (2022). <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/of1/of150324bofe891bo863a3c7ae05d693.pdf>
- Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // *Крестьяноведение*. Т. 9. № 2. С. 153–179.
- Кондратьев М. В., Фадеева О. П. (2021). Практики участия населения в местном самоуправлении: кейсы сибирских сел // *Регион: экономика и социология*. № 2. С. 162–183.
- Мазур Л. Н. (2005). Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х — 1980-е гг.) // *Отечественная история*. № 3. С. 25–37.
- Моляренко О. А. (2021). Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти // *Мир России*. Т. 30. № 1. С. 8–28.
- Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // *Демографическое обозрение*. Т. 7. № 2. С. 31–53.
- Потапова А. А. (2024). Нехватка работников в сельском хозяйстве России: есть ли потенциал для восполнения? // *ЭКО*. № 2. С. 146–168.
- Семенова Е. И., Семенов А. В. (2021). О формировании сельских агломераций // *Экономика сельского хозяйства России*. № 1. С. 96–102.
- Фадеева О. П. (2005). Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус // *Крестьяноведение*. Т. 7. № 2. С. 122–157.
- Фадеева О. П., Нефёдкин В. И. (2023). Сельские агломерации в сибирских реалиях: аргументы «за» и «против» // *Развитие социально-экономического, научно-технологического потенциала регионов как фактор укрепления позиции России в современном мире* / ред. кол.: Н. С. Майнагашева [и др.]. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова. С. 253–260.
- Харитонов А. В. (2019). Предпосылки и условия формирования сельских агломераций в Кемеровской области // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. № 5-3. С. 179–188.
- Усольцева О. В. (2018). Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск: Демос. — 268 с.
- Shagaida N. I. (2024). Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 139–152.

Rural labor market: Agricultural education, agrarian involvement and rural settlement of younger workers

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Head of Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ac. Lavrentyeva Prosp., 17, Novosibirsk, 630090. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

Abstract. In the past two decades, the transformation of the agricultural sector of the Russian economy has significantly changed the situation in the rural labor market. Its supply has not met the employers' requests, since they focus on the latest technolog-

ical base of agricultural production. The traditional confidence in the labor surplus in rural areas has gradually lost its relevance, and representatives of the municipal authorities and agribusiness admitted the shortage of workers and gaps in specialized education. Moreover, the personnel shortage has become predominantly structural: there are not enough workers in certain, in-demand specialties. Based on the data of the in-depth interviews with employers, the article examines the main barriers to meeting the demand for qualified specialists in the agricultural sector. The author describes possibilities and features of the potential labor supply due to the influx of the youth by summarizing the data of the survey conducted at one of the largest agricultural universities in Russia, focusing on students' professional motivation and future employment. The difficulties in attracting and retaining younger workers are determined by the need to consider and solve problems within the implemented and planned changes in the spatial development model — from an integrated and initiative transformation of rural areas to the development of large-scale “rural agglomerations”. Based on the student opinions, the author makes some practical conclusions about possible changes in agricultural education and rural development policy.

Key words: rural labor market, agricultural employment, youth, higher and secondary vocational education, rural lifestyle, integrated development of rural areas, rural agglomerations

References

- Doklad o rezultatah provedennogo monitoringa sostoyaniya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya selskih territoriy v 2022 godu [Report on the Results of the Monitoring of Social-Economic Development of Rural Areas in 2022]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/of1/of150324bofe891bo863a3c7ae05d693.pdf>.
- Kartseva M. A., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F. (2024) Selsko-gorodskaya migratsiya v sovremennoy Rossii cherez prizmu kolichestvennogo i ka-chestvennogo analiza [Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 153–179.
- Kondratyev M. V., Fadeeva O. P. (2021) Praktiki uchastiya naseleniya v mestnom samoupravlenii: keysy sibirskih sel [Practices of participation in the local self-government: Cases of Siberian villages]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, no 2, pp. 162–183.
- Mazur L. N. (2005) Politika rekonstruktsii rossiyskoy derevni (konets 1950-h — 1980-e gg.) [The policy of the Russian village reconstruction (late 1950s — 1980s)]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 3, pp. 25–37.
- Molyarenko O. A. (2021) Mestnoe samoupravlenie v sovremennoy Rossii, ili khroniki krainey vlasti [Local self-government in contemporary Russia, or chronicles of extreme power]. *Universe of Russia. Sociology, Ethnology*, vol. 30, no 1, pp. 8–28.
- Nefedova T. G., Treyvish A. I. (2020) Polyarizatsiya i szhatie osvoennykh prostranstv v tsentre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and compression of developed spaces in Central Russia: Trends, problems, possible solutions]. *Demograficheskoe Obozrenie*, vol. 7, no 2, pp. 31–53.
- Potapova A. A. (2024) Nekhvatka rabotnikov v selskom khozyaystve Rossii: est li potentsial dlya vospolneniya? [Shortage of workers in Russian agriculture: Is there potential for replenishment?]. *ECO*, no 2, pp. 146–168.
- Semenova E. I., Semenov A. V. (2021) O formirovaniy selskih aglomeratsiy [On the formation of rural agglomerations]. *Ekonomika Selskogo Khozyaystva Rossii*, no 1, pp. 96–102.
- Fadeeva O. P. (2022) Transformatsiya selskogo samoupravleniya: sibirsky fokus [Transformation of the rural self-government: A Siberian case]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2, pp. 122–157.
- Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. (2023) Selskie aglomeratsii v sibirskih realiyah: argumenty “za” i “protiv” [Rural agglomerations in Siberian realities: pros and cons]. *Razvitie sotsial-*

no-ekonomicheskogo, nauchno-tehnologicheskogo potentsiala regionov kak faktor ukrepleniya pozitsii Rossii v sovremennom mire, Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo im. V. M. Torosova. pp. 253–260.

- Kharitonov A. V. (2019) Predposylki i usloviya formirovaniya selskih aglomeratsiy v Kemerovskoy oblasti [Prerequisites and conditions for the formation of rural agglomerations in the Kemerovo Region]. *Vestnik Altayskoy Akademii Ekonomiki i Prava*, no 5–3, pp. 179–188.
- Usoltseva O. V. (2018) *Selskaya poselencheskaya set Tomskoy oblasti (1940–1980-e gg.)* [Rural Settlement Network in the Tomsk Region (1940–1980s)], Tomsk: Demos.
- Shagaida N. I. (2024) Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 139–152.